

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ВЛАСТЬ И МЕСТНОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ

DOI: 10.17803/1994-1471.2026.186.5.027-035

С. В. Володина*

Взаимное доверие как ценность и цель взаимодействия государства и общества

Аннотация. В статье рассматривается, как в конституциях других государств применяется принцип доверия, проводятся параллели с российским законодательством. Акцентируется внимание на ст. 75.1 Конституции РФ, которая конституционализировала взаимное доверие как ценность и цель взаимодействия государства и общества, тем самым выведя вопрос доверия на качественно новый уровень. Изучаются позиции зарубежных авторов по теме доверия. Делается попытка сформулировать определение правового доверия. Правовое доверие рассматривается в качестве нематериального актива демократического государства. Делается акцент на его деперсонализированном характере. Даются рекомендации по укреплению уровня правового и взаимного доверия. Делается вывод, что повышение уровня доверия граждан к деятельности государства возможно только через тесное взаимодействие государства с институтами гражданского общества. Единые, стабильные, понятные, прозрачные правила игры могли бы стать панацеей в сложном и долгом пути выстраивания баланса взаимного доверия, без тенденции к перевешиванию в сторону любой абсолютизации. Доверие не заменяет контроль, но и не существует без его рамок. В статье рассматриваются законодательные акты, направленные на создание условий, облегчающих контроль (мониторинг) за действиями и бездействием каждого, на примере зарубежного законодательства в цифровой сфере. Подчеркнута важность соблюдения целесообразности и правила золотой середины в нормотворческой деятельности.

Ключевые слова: доверие; кризис доверия; право; ценность; риски; общество; государство; баланс; цифровизация; искусственный интеллект; персональные данные; гражданский контроль

Для цитирования: Володина С. В. Взаимное доверие как ценность и цель взаимодействия государства и общества // Актуальные проблемы российского права. — 2026. — Т. 21. — № 5. — С. 27–35. — DOI: 10.17803/1994-1471.2026.186.5.027-035

© Володина С. В., 2026

* Володина Светлана Вячеславовна, кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного и муниципального права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Российская Федерация, 125993
volodina_sv@inbox.ru

Mutual Trust as a Core Value and Objective of the Relationship between the State and Society

Svetlana V. Volodina, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Department of Constitutional and Municipal Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russian Federation
volodina_sv@inbox.ru

Abstract. The paper examines the manner in which the principle of trust is embedded in the constitutions of foreign states and draws comparative parallels with Russian legislation. Particular emphasis is placed on Article 75.1 of the Constitution of the Russian Federation, which constitutionalized mutual trust as both a foundational value and an objective of interaction between government and society, thereby elevating the issue of trust to a qualitatively new level of constitutional and legal significance. The paper further analyzes the views of foreign scholars on the subject of trust and undertakes an effort to formulate a definition of legal trust. Legal trust is conceptualized as an intangible asset of a democratic state. Special emphasis is placed on its depersonalized character. The paper offers recommendations aimed at strengthening both legal trust and mutual trust. It concludes that increasing citizens' trust in the functioning of government is possible only through close cooperation between government and civil society institutions. Uniform, stable, intelligible, and transparent rules of the game could serve as a remedy along the complex and lengthy path toward establishing an appropriate balance of mutual trust, without any tendency toward imbalance in favor of either form of absolutization. Trust does not replace oversight, nor can it exist outside the framework of oversight. The paper also examines legislative enactments designed to create conditions facilitating control and monitoring of the actions and omissions of all persons, drawing on examples from foreign legislation in the digital sphere. Particular emphasis is placed on the importance of observing considerations of expediency and maintaining an appropriate balance in lawmaking.

Keywords: trust; crisis of confidence; right; value; risks; society; state; balance; digitalization; artificial intelligence; personal data; civil control

Cite as: Volodina SV. Mutual Trust as a Core Value and Objective of the Relationship between the State and Society. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2026;21(5):27-35. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2026.186.5.027-035

Введение

В Конституциях Франции, Италии, Испании, Португалии, Японии и Основном законе Германии прямо закреплен термин «доверие». Так, в гл. VI Основного закона ФРГ, посвященной федеральному правительству, статьи 67 и 68 закрепляют возможность выражения бундестагом недоверия федеральному канцлеру, а при отказе в доверии федеральный президент по предложению федерального канцлера может распустить бундестаг¹.

В конституции Франции 1958 г., в разд. V об отношениях между парламентом и прави-

тельством, доверие упоминается в контексте парламентского контроля и ответственности исполнительной власти. В статье 49 говорится, что премьер-министр может поставить вопрос о доверии правительству перед Национальным собранием².

В Конституции Итальянской Республики 1947 г. вопрос доверия отображается в разд. III, посвященном правительству, в ст. 94, где говорится, что «правительство должно получить доверие обеих палат»³.

В Конституции Королевства Испании 1978 г., в разд. IV о правительстве и администрации, в

¹ Основной закон Федеративной Республики Германия // URL: <https://legalns.com/download/books/cons/germany.pdf> (дата обращения: 04.01.2026).

² Конституция Французской Республики // URL: https://www.conseilconstitutionnel.fr/sites/default/files/as/root/bank_mm/constitution/constitution_russe.pdf (дата обращения: 04.01.2026).

³ Конституция Итальянской Республики // URL: <https://legalns.com/download/books/cons/italy.pdf> (дата обращения: 04.01.2026).

ст. 99 установлена процедура получения доверия конгресса депутатов при назначении председателя правительства, в ст. 101 сказано, что «правительство подает в отставку после проведения всеобщих выборов при потере парламентского доверия». В разделе V об отношениях между правительством и Генеральными кортесами статьей 112 установлено, что «председатель правительства после рассмотрения в совете министров может поставить перед конгрессом депутатов вопрос о доверии по программе своей деятельности». Статья 114 регулирует вопросы доверия и вотумов недоверия в адрес правительства⁴.

В Конституции Португальской Республики 1976 г., в разд. IV, посвященном правительству, есть статья 193 под названием «Запрос о вотуме доверия», в которой говорится, что «правительство может поставить перед Ассамблеей Республики вопрос о вотуме доверия по общей декларации о политике или по любому вопросу, представляющему национальный интерес». Статьи 192 и 195 также раскрывают тему парламентского доверия правительству⁵.

Конституция Японии 1947 г., наверное, является самым интересным образцом для изучения темы доверия. Принцип доверия здесь отражен непосредственно в преамбуле: «Государственная власть основывается на непоколебимом доверии народа, ее авторитет исходит от народа, ее полномочия осуществляются представителями народа, а благами ее пользуется народ. Это — принцип, общий для всего человечества...». О доверии говорится также в гл. V, ст. 69: палата представителей может принять резолюцию о недоверии кабинету министров, что влечет его отставку или роспуск палаты⁶. Конституция Японии является одной из самых стабильных в мире, за время ее существования в нее не было внесено ни одной поправки.

Как можно отметить, доверие (недоверие) рассматривается как рычаг сдерживания или противовес при крайней необходимости в сфере взаимодействия исполнительной и законодательной власти. В российском правовом поле до принятия Закона о поправке к Конституции от 14.03.2020 № 1-ФКЗ доверие употреблялось сходно с вышеперечисленными странами, относящимися к романо-германской правовой семье.

Принцип доверия в законодательстве России фигурирует в вопросах взаимодействия органов власти (ст. 117 Конституции РФ), в нормах трудового права (ст. 81 Трудового кодекса РФ). В гражданских правоотношениях принцип доверия является во многом системообразующим и существует в производных от него понятиях, таких как: «доверитель», «доверительное управление», «доверенность» (ст. 38, 185–189, 973, 975, 976, 1012–1026 Гражданского кодекса РФ). Статья 75.1 Конституции конституционализировала **взаимное доверие** как ценность и цель взаимодействия государства и общества, тем самым выведя вопрос доверия на качественно новый уровень. Произошло расширение: если раньше доверие было двусторонним только в горизонтальных (гражданских) отношениях, то сейчас данный подход закрепился и на вертикальном уровне, переведя вопрос доверия из одностороннего доверия к государству в конституционно закрепленный принцип взаимного доверия.

Доверие как правовая категория не имеет универсального законодательного определения. Несмотря на отсутствие единого подхода, есть определения, данные учеными в своих научных областях, которые будут приведены ниже для вычленения элементов, которые могли бы составить основу для дальнейшего использования в разработке определения правового доверия в сфере конституционного права.

---

⁴ Конституция Королевства Испании // URL: <https://legalns.com/download/books/cons/spain.pdf> (дата обращения: 04.01.2026).

⁵ Конституция Португальской Республики // URL: <https://legalns.com/download/books/cons/portugal.pdf> (дата обращения: 04.01.2026).

⁶ Конституция Японии // URL: <https://legalns.com/download/books/cons/japan.pdf> (дата обращения: 04.01.2026).

От доверия-личности к доверию-институтам

Юрист и философ **Чезаре Беккариа** в труде «О преступлениях и наказаниях» утверждает, что «ясные законы обеспечивают независимость граждан от судебного произвола». Автор подчеркивает важность четкого соблюдения закона, где роль судьи сводится к установлению фактов. Такая прозрачность правосудия, по мнению мыслителя, создает доверие к ней⁷. Согласно определению социолога **Никласа Лумана**, чьи идеи часто цитируют юристы, «доверие в праве — это способ уменьшить сложность мира. Вместо того чтобы проверять каждого встречного, мы доверяем “правовым институтам” (печатам, подписям, судам), что экономит ресурсы общества»⁸.

В России доверие чаще носит личный, то есть персонифицированный, характер, что подтверждается социологическими опросами. Например, «вторая половина 2025 г. характеризуется еще большим разрывом между показателями институционального и личного доверия, чем в первой половине. Личностное доверие превышает институциональное почти в пять раз, что может означать падение доверия пользователей социальных медиа государственным институтам»⁹. Доверие личности имеет безусловный эмоциональный окрас, в этом его одновременно сильная и слабая сторона. Но если в частном праве доверие базируется на равноправии сторон и личностный компонент доверия видится логичным, то в сфере публичного права доверие следует выстраивать в парадигме доверия к государственным институтам. Доверие к институтам носит рациональный характер, не предполагающий необоснованных

резких подъемов в уровне доверия, но и снижение также не происходит стихийно. В правовом контексте доверие должно формироваться вокруг государственных институтов, что будет выстраивать более стабильную модель восприятия (например, доверие не судье, а суду в целом). Первостепенен не образ личности, а верховенство права и закона, которые должны нивелировать все человеческие пороки в виде халатности или профессиональной некомпетентности, коррумпированности и т.д.

Доверие как нематериальный актив

Нобелевский лауреат по экономике **Кеннет Эрроу** в книге «Пределы организации» писал, что «доверие — это важная “смазка” социальной системы. Оно крайне эффективно и избавляет от необходимости тратить массу ресурсов на проверки и контроль»¹⁰. То есть можно сказать, что он рассматривал доверие как нематериальный актив, который может использоваться для ускорения и облегчения экономического роста государства. Это высказывание хорошо коррелируется со ст. 75.1 Конституции РФ: «В Российской Федерации создаются условия для устойчивого экономического роста страны и повышения благосостояния граждан, для взаимного доверия государства и общества, гарантируются защита достоинства граждан и уважение человека труда, обеспечиваются сбалансированность прав и обязанностей гражданина, социальное партнерство, экономическая, политическая и социальная солидарность»¹¹. В ней законодатель предусмотрел все эти разноплановые категории вместе, тем самым подчеркнув их взаимосвязь и взаимовлияние.

⁷ Беккариа Ч. О преступлениях и наказаниях. М. : Стелс, 1995. С. 75–238.

⁸ Луман Н. Власть / пер. с нем. А. Ю. Антоновского. М. : Праксис, 2001. С. 256.

⁹ Личностное и институциональное доверие в 2025 году // URL: <https://kribrum.ru/events/lichnostnoe-i-institutsionalnoe-doverie-v-2025-godu> (дата обращения: 27.02.2026).

¹⁰ Arrow K. J. The Limits of Organization. New York : W. W. Norton & Company, 1974. P. 86.

¹¹ Конституция Российской Федерации // URL: <https://base.garant.ru/10103000/b9037f7877f01b94848f9e11db40fb29/> (дата обращения: 04.01.2026).

Доверие как психологический мост

Джулиан Роттер дал определение межличностного доверия в своей ключевой статье, опубликованной в 1971 г. в журнале *American Psychologist*: «Доверие — это обобщенное ожидание того, что слову, обещанию или заявлению другого человека (или группы) можно верить»¹². Важной составляющей межличностного доверия является память, человек переносит свой опыт из прошлого на новые отношения. Люди с высоким уровнем доверия, по Роттеру, более социально адаптированы, менее тревожны, реже лгут, чаще дают другим второй шанс, более склонны уважать права других... Люди с низким доверием склонны к подозрительности и гиперконтролю, могут демонстрировать протестное поведение или социальную изоляцию... А вот это уже имеет непосредственное значение для государства и правопорядка в целом. Вопрос нивелирования протестных настроений при принятии новых законов, направленных не на сферу поддержки или улучшения благосостояния населения (здравоохранение, пенсии, льготы, образование и т.д.), которые обычно воспринимаются позитивно, за исключением случаев затянутости (упущенный момент, когда улучшение воспринимается не как благо, а как должное) и несоразмерности ожиданий (например, при индексации социальных выплат, которая не нивелирует рост инфляции, тем самым улучшение произошло, но без видимого результата), а на сферу контроля или детализации законодательства, встречают обычно либо негативно-пассивную оценку (толерантную — «надо так надо») либо негативно-активную (в виде митингов, демонстраций и т.д.), что, безусловно, является тревожным сигналом, исходящим от граждан в отношении действий государства. Особенно это касается моментов истории, когда требуется общая мобилизация и сплоченная позиция гражданского общества.

Следующее определение доверия принадлежит **Мортону Дойчу**, оно нашло отражение в его

статье «Доверие и подозрительность»: «Доверие — это уверенность в том, что ты не проиграешь, поставив себя в зависимое положение от другого, чьи действия могут тебе навредить»¹³. Данное видение проблематики доверия применительно к правовой среде можно рассмотреть так: доверие как перекалывание ответственности, т.е., доверяя, мы добровольно можем делегировать часть своих прав и рассчитывать на предсказуемый положительный результат, но между тем категория доверия неразрывно связана с риск-факторами, которые нужно обязательно предвидеть для минимизации рисков. Вынужденное доверие: «доверяю не потому, что желаю этого, а потому, что не являюсь экспертом в данной теме и вынужден довериться экспертному мнению».

В соответствии с доктриной **гражданского права** правоотношения, основанные на высоком уровне доверия (лат. *fiducia*), при которых одна сторона (фидуциар) обязана действовать исключительно в интересах другой (бенефициара), управляя имуществом или правами, называются фидуциарными. Они подразумевают лояльность, добросовестность и возможность одностороннего расторжения при утрате доверия. В таких сделках (например, поручение, доверительное управление) личные качества исполнителя имеют решающее значение, а злоупотребление доверием приравнивается к правонарушению. Право часто защищает того, кто доверился профессионалу (например, доверие пациента врачу или клиента адвокату), накладывая на профессионала повышенные правовые и репутационные обязательства. Последствия недобросовестности либо халатности должны влечь для субъекта такие риски, которые нивелировали бы сиюминутную выгоду, что в последующем приведет к формированию стабильной среды доверия и укрепит институт деловой репутации. Судебная практика играет в этом процессе ключевую роль.

В **процессуальном праве** доверие часто синонимично презумпции добросовестности.

---

¹² Rotter J. B. Generalized expectancies for interpersonal trust // *American Psychologist*. 1971. Vol. 26. № 5. P. 443–452.

¹³ Deutsch M. Trust and Suspicion // *Journal of Conflict Resolution*. 1958. Vol. 2. No. 4. P. 265–279.

Данное словосочетание в Конституции РФ не отображено, но следует из ст. 18 (права человека определяют смысл и применение законов). Суд и участники процесса исходят из того, что стороны действуют честно, пока не доказано обратное, и находятся в положении невиновных, пока также не будет доказано иное (презумпции невиновности). Конституционный Суд РФ неоднократно указывал, что презумпция добросовестности налогоплательщиков и граждан (ст. 17 и 57 Конституции РФ) — это конституционный принцип. Несмотря на то что судебная система РФ официально не является прецедентной, именно этот подход мог бы повысить доверие к правосудию. Единообразное решение однотипных вопросов воспринимается как стабильность, понятность, предсказуемость, что является «корнем» и «стержнем» доверия.

Доверие как конституционный принцип (государство и гражданин)

В публичном праве доверие рассматривается как обязанность государства быть предсказуемым и последовательным (доктрина законных ожиданий). Конституционный Суд РФ трактует доверие через принцип поддержания доверия граждан к закону и действиям государства. «Это означает, что законодательство не должно меняться произвольно, а гражданин имеет право рассчитывать на стабильность своего правового статуса»¹⁴. Правовая неопределенность и избыточное регулирование (избыточное нормотворчество) снижают уровень доверия к правовой системе. Баланс между детализацией и гибкостью правовых норм необходим так же, как баланс между интересами гражданина и публичной власти. Доверие обеспечивается достоверностью и единообразием официальной информации.

Правовое доверие — это рациональная оценка надежности, а не интуитивная. Оно основывается на наличии институциональных гарантий, носит деперсонализированный характер. Правовое доверие выступает в качестве нематериального актива демократического государства. Государство и гражданское общество должны поддерживать правовое доверие в состоянии баланса, чтобы не смещать вектор движения к любой абсолютизации (тотальное доверие/недоверие). Доверие в большинстве случаев авансируется (выдается авансом), поэтому так необходимы справедливые, единообразные решения однотипных вопросов (алгоритмы) и отсутствие двойных стандартов. Всё это нацелено на минимизацию рисков и формирование «памяти доверия» (позитивный опыт). Доверие не заменяет контроль, но и не существует без его рамок. Постоянный диалог государства и гражданского общества с возможной конструктивной критикой свидетельствует о зрелости государства и общества и реальном взаимном доверии, где каждый вовлечен и формирует повестку, направленную на общее благо и будущие поколения.

Взаимное доверие или недоверие

Развивающиеся технологии, цифровизация и включение ИИ в жизнь и работу большого процента населения Земли — всё это подтолкнуло государство к пересмотру законодательства по многим смежным вопросам. Законодательство в сфере новых технологий и ИИ зародилось не так давно и продолжает развиваться и расширяться. Первоначальная нерегламентированность в цифровой сфере воспринималась обществом как свобода, а регламентация и повышенное внимание к новым вызовам в настоящем — как ограничение этой свободы. Но на это можно посмотреть и с другой стороны: регламентация

¹⁴ Принцип доверия к закону и действиям публичной власти // Информация «Конституционно-правовая защита предпринимательства: актуальные аспекты (на основе решений Конституционного Суда Российской Федерации 2018–2020 годов)» (одобрена решением Конституционного Суда РФ от 17.12.2020). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_374913/cca6beb9a0f8834d0c6f9253f429c90fdc115ba2/ (дата обращения: 04.01.2026).

как попытка привести к порядку, т.е. упорядочить, а не ограничить.

Повышение уровня недоверия государства к гражданам проявляется через законы, направленные на создание условий, облегчающих контроль и мониторинг действий и бездействия каждого. Обычно это обосновывается либо укреплением социального порядка, который, как преподносится, невозможен без тотального мониторинга поведения каждого человека, и итоговая цель видится в социальной гармонии и лояльности (пример: Китай), либо борьбой с терроризмом, защитой государственной целостности и безопасности, регулярным наполнением бюджета за счет прозрачности деятельности всех граждан (всеобщий учет), что способствует расширению полномочий спецслужб и усилению финансового надзора (примеры: США, Великобритания). Законодательным актом недоверия государства по отношению к своим гражданам и резидентам может выступать финансовый надзор, цель которого — борьба с уклонением от уплаты налогов; например, Закон США «О налогообложении иностранных счетов» (Foreign Account Tax Compliance Act) обязывает банки по всему миру сообщать о счетах американцев. Внутри страны банки обязаны докладывать о любых «подозрительных транзакциях», что делает финансовую жизнь каждого гражданина прозрачной для государства¹⁵.

Событие, произошедшее 11 сентября 2001 г., поспособствовало пересмотру демократических позиций американцев, где на чаше весов между незыблемыми правами на частную жизнь перевес взял вопрос национальной безопасности. Итогом стало появление Патриотического акта (USA Patriot Act). Этот документ позволял спецслужбам прослушивать разговоры, читать электронную почту и запрашивать финансовые документы граждан без классического ордера, основанного на веских подозрениях. Государство получило право «превентивно» следить за миллионами людей. Ввиду неутрахаемой полемики вокруг данного документа он был пере-

смотрен и на смену ему появился Акт о свободе США, призванный скорректировать и ограничить безграничные полномочия спецслужб, регламентируемые предшествующим актом.

В продолжение смягчающейся риторики можно привести дело «Райли против Калифорнии», по итогам которого Верховный суд запретил полиции обыскивать цифровое содержимое смартфонов задержанных лиц без специального ордера, приравняв телефон к «цифровому сейфу», а не просто к предмету в кармане. Тем самым сделав шаг навстречу защите цифровой приватности личности и подчеркнув необходимость ордера, обосновывающего подозрения, ввиду колоссального объема персональных данных, хранящихся на смартфоне¹⁶.

В Великобритании в 2016 г. Тереза Мэй предложила акт, который в итоге прошел обе палаты британского парламента и был санкционирован королевой, в дальнейшем стал известен как Хартия ищеек (Snooper's Charter). Этот документ нацелен на борьбу с терроризмом путем массовой слежки, он обязывает интернет-провайдеров хранить историю посещения сайтов всех граждан в течение 12 месяцев и предоставляет спецслужбам право на массовый взлом устройств. Сейчас данный акт действует с рядом ограничений полномочий спецслужб. Европейский Суд по правам человека (ЕСПЧ) обязывает соблюдать баланс между безопасностью и конфиденциальностью.

Как мы можем наблюдать, ввиду того что законодательство в цифровой сфере достаточно молодое, оно проходит динамичный путь по выработке если не идеальной, то хотя бы приемлемой модели для конкретной страны с учетом ее особенностей. Данные законы косвенно говорят о недоверии государства к гражданам, проявляющемся через нормы, облегчающие доступ спецслужб к персональным данным, но если в противовес этому существует независимая судебная система, сформированное гражданское общество, общепринятые нормы и принципы международного права, то они

¹⁵ URL: <https://home.treasury.gov/policy-issues/tax-policy/foreign-account-tax-compliance-act> (дата обращения: 04.01.2026).

¹⁶ Riley v. California, 573 U.S. 373 (2014).

могут выступать той самой системой сдержек и противовесов, которая не допустит законодательного произвола.

В Китае цифровой контроль реализуется через систему социального доверия (кредита) — это законодательно закреплённая система, которая использует ИИ, камеры распознавания лиц и данные из Интернета для оценки «благонадежности» граждан. Низкий рейтинг ограничивает права: запрет на покупку билетов на самолет/поезд, ограничения в получении кредитов, запрет занимать госдолжности. В Китае практически отсутствует анонимность. Регистрация в любых сервисах требует реальных данных. Государство через «Великий китайский файервол» и системы ИИ контролирует информационные потоки, считая, что гражданам нельзя доверять самостоятельный выбор «правильного» контента.

Китайский Закон о защите персональной информации (Personal Information Protection Law), вступивший в силу в 2021 г., «считается одним из самых строгих в мире. Он распространяется на китайские компании и на международный бизнес, если он обрабатывает персональные данные лиц, находящихся в Китае. Операторы критической информационной инфраструктуры и компании, обрабатывающие большие объёмы персональных данных, обязаны хранить их внутри Китая. Китайское регулирование направлено не только на защиту пользователей, но и на укрепление контроля государства над цифровыми потоками данных»¹⁷.

Недоверие может выражаться в отношении не только граждан, но и других стран, например в вопросах угрозы внешнего вмешательства во внутренние дела государства (национальная безопасность). Так, «29 июня 2020 г. правительство Индии запретило 59 китайских мобильных приложений, в первую очередь TikTok,

ссылаясь на статью закона об информационных технологиях 69А и интересы национальной безопасности»¹⁸. «24 ноября 2020 г. еще 43 китайских мобильных приложения были заблокированы по той же причине, в первую очередь AliExpress»¹⁹.

Заключение

Обычно доверие рассматривается в условиях цифровизации государства с точки зрения доверия к электронным ресурсам, ИИ, смарт-контрактам, т.е. доверие к новым технологиям и встраивание в эту среду всех поколений пользователей, в этой же статье была сделана попытка рассмотреть законодательство в этой сфере как инструмент недоверия государства к обществу или как реализацию принципа «доверяю только тому, кого контролирую», данное выражение присуще власти, не уверенной в лояльности своего электората. Подчеркнута важность соблюдения целесообразности и правила золотой середины в нормотворческой деятельности.

Избыточное правовое регулирование, введение всё большего количества ограничений и запретов ведет к взаимному недоверию, не позволяя возвращать доверие к праву и государству внутри общества. Единые, стабильные, понятные, прозрачные правила игры могли бы стать панацеей в сложном и долгом пути встраивания баланса взаимного доверия, без тенденции к перевешиванию в сторону любой абсолютизации. Именно память о частых переменах и нестабильности может играть ключевую роль в «пробуксовке» как негативный опыт или неположительная репутация в прошлом, влияющая на настоящее.

Гармония в сфере правового доверия возможна при соблюдении баланса без тенденции

¹⁷ Защита персональных данных в Азии // URL: <https://data-privacy-office.com/personal-data-protection-in-asia-legislation-in-singapore-hong-kong-india-and-china/> (дата обращения: 04.01.2026).

¹⁸ URL: <https://www.pib.gov.in/Pressreleaseshare.aspx?PRID=1635206&reg=3&lang=2> (дата обращения: 04.01.2026).

¹⁹ URL: <https://www.pib.gov.in/Pressreleaseshare.aspx?PRID=1675335&reg=3&lang=2> ; URL: <https://tech.hindustantimes.com/tech/news/indian-government-bans-43-apps-here-s-the-list-71606218186438.html> (дата обращения: 04.01.2026).

к смещению в сторону абсолютного правового доверия (власть, даже демократическая, находится в более привилегированном положении, что дает ей возможность отстаивать не только права граждан, но и собственные интересы), поэтому так необходим реальный гражданский контроль. Но и тотальное недоверие в прямом смысле затормаживает как деловую коммуникацию, так и экономические процессы, влияя неблагоприятно на все сферы. Избыток недоверия способен разрушить всю конструкцию демократической власти, а идея эффективного функционирования любых институтов без контроля, к сожалению, является утопией.

Рациональным видится продолжение нормотворчества в данной сфере с акцентом на защите персональных данных, так как это база для выстраивания доверительных отношений в эпоху глобальной цифровизации. Утечки персональных данных, охраняемых законом, не способствуют выработке доверия. Как можно отметить, главное в выстраивании взаимного доверия — это диалог; так, в Федеральном законе «Об основах общественного контроля в Российской Федерации» к задачам отнесено «повышение уровня доверия граждан к деятельности государства через тесное взаимодействие государства с институтами гражданского общества».

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Беккариа Ч. О преступлениях и наказаниях. — М. : Стелс, 1995. — 304 с.
2. Луман Н. Власть / пер. с нем. А. Ю. Антоновского. — М. : Праксис, 2001. — 256 с.
3. Arrow K. J. The Limits of Organization. — New York : W. W. Norton & Company, 1974.
4. Deutsch M. Trust and Suspicion // Journal of Conflict Resolution. — 1958. — Vol. 2. — No. 4. — P. 265–279.
5. Rotter J. B. Generalized expectancies for interpersonal trust // American Psychologist. — 1971. — Vol. 26. — No 5. — P. 443–452.

Материал поступил в редакцию 27 февраля 2026 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Bekkaria Ch. O prestupleniyakh i nakazaniyakh. — M.: Stels, 1995. — 304 s.
2. Luman N. Vlast / per. s nem. A. Yu. Antonovskogo. — M.: Praksis, 2001. — 256 s.
3. Arrow K. J. The Limits of Organization. — New York: W. W. Norton & Company, 1974.
4. Deutsch M. Trust and Suspicion // Journal of Conflict Resolution. — 1958. — Vol. 2. — No. 4. — P. 265–279.
5. Rotter J. B. Generalized expectancies for interpersonal trust // American Psychologist. — 1971. — Vol. 26. — No 5. — P. 443–452.